

В кабинете писателя Григория Бакланова за стеклом книжной полки стоят фотографии: двое красивых, сильных парней в военных гимнастерках улыбаются в объектив. Один из них — молодой Бакланов. Другой — его двоюродный брат Юрий. Солдаты прошлой войны. Юрий погиб. За окном падает снег. Где-то на его ровной близине остаются следы молодые парни девяностых, рукава курток которых «украшает» фашистская свастика...

— На недавней встрече интеллигенции с Борисом Николаевичем Ельциным я говорил о том, что в стране, где миллионы людей отдали свои жизни в борьбе с фашизмом, сегодня совершенно легально издаются 137 нацистских изданий, я уже не говорю о выходящих книгах на фашистскую тематику. Священник Борисов, участник этой встречи, рассказал, что «Протоколы сионских мудрецов» издаются церковью, их можно купить в церковных лавках. Для Президента это оказалось новостью. Но ведь именно Президент является гарантом соблюдения законов Конституции, Уголовного кодекса. Речь не идет о каких-то чрезвычайных мерах, но исполнять законы обязаны все граждане. Недопустима ситуация, когда в так сказать, привилегированном положении перед законом оказываются фашисты, уголовники, мафия. На это, как мне показалось, Президент обратил серьезное внимание. Посмотрим, какие будут результаты.

— Григорий Яковлевич, вы всегда сочетали литературную деятельность с общественной, политической — ведь быть главным редактором такого журнала, как «Знамя» (а вы возглавляли его семь лет), значит быть и политиком тоже. Несмотря на то, что уже год, как вы ушли из журнала, дел общественных не бросили.

— Заниматься только литературой действительно не получается. Сейчас в очень трудном положении оказались толстые журналы, они неизбежно вынуждены поднимать цены из-за все дорожающей бумаги, типографских услуг, доставки. Их издание становится убыточным. Подписка тает. Традиционно на журналы подписывалась интеллигенция. Но сегодня она едва ли не самая нищая в стране. Бастовать, как шах-

теры, интеллигенция не может, творческий процесс остановить невозможно, если говорить о художественной интеллигенции. А если пробуют бастовать врачи, они все равно больных лечат, это так, видимость забастовки. Что же — лишить интеллигенцию, да и не одну ее привычной жизни, возможности читать? Толстые журналы несут еще одну важную функцию: они являются своеобразным двигателем отечественного литературного процесса, особенно теперь, в условиях неразвитого рынка. Сегодня молодой писатель имеет шанс заявить о себе только со страниц журнала. В самом деле, кто его, никому не известного, напечатает отдельной книгой? Рисковать никто не хочет. В такой ситуации надежда на библиотеки. Если библиотеки сохраняют подписку толстых журналов, сохранится и часть тиража. Я об этом говорил на совещании редакторов. Меня выслушали, но на практике никто не поддержал. Обращался я и в наши коммерческие структуры, соглашались помогать, в частности, «Знамени». Но ведь это не решение проблем. Тогда я как член правления фонда «Культурная инициатива» решил обратиться к Джорджу Соросу. Поначалу он не видел в этой идее программы, которая имела бы не кратковременный характер. Полгода вел я переговоры, нашел людей, которые могли организовать транспортировку журналов не только по России, но и по бывшим республикам. Короче, с Соросом удалось договориться — было поддержано четырнадцать журналов. Как будет дальше, пока не знаю. Хочу только еще отметить, что, давая деньги, Сорос никогда не интересовался, что журналы будут печатать, не ставил никаких условий, то есть зависимости не было никакой, все творческие воп-

росы решались только главными редакторами изданий.

— Григорий Яковлевич, спасибо, что рассказали об этом, теперь хоть будем знать, кого благодарить за возможность читать толстые журналы. Роль личности в истории культуры на этом примере особенно очевидна. Существуют традиции, с которыми просто необходимо порывать, в частности, с советской традицией наплевательского отношения к культуре со стороны государства.

— К сожалению, мы по-прежнему живем одним днем, ведь тот факт, что государство не поддерживает культуру, означает, что оно не поддерживает будущее. В худшем положении вместе с культурой у нас находится еще только здравоохранение. Миллионы уходят на армию, хотя статьи расходов обществу не докладываются. Миллионы по-прежнему вбухивают на поддержание убыточных колхозов, хотя результаты все хуже и хуже. Миллионы нефтяникам, миллионы шахтерам — кому хочется зимой в холодной квартире сидеть? А культура, повторю, не забастует, научную мысль остановить нельзя. Впрочем, в отношении науки уже сегодня пролегла трещина, которая может разрастись в пропасть. Если отношение к фундаментальной науке будет прежним, то есть финансироваться она будет по остаточному принципу, то через три года может исчезнуть школа. А школа создается за 2—3 поколения.

— Кто, как не интеллигенция, должен изменить отношение государства к этим проблемам посредством формирования общественного и резкого общественного мнения? Интеллигенция ведь всегда находилась в оппозиции к власти, это как бы наша отечественная традиция.

— Что значит всегда? Как можно было находиться в оппозиции к власти во время войны? Не воевать? Ну находились в оппозиции к правительству — Власов, например. Да, во время войны правительство во главе со Сталиным было правительством убийц, уничтоживших своих людей едва ли не больше, чем Гитлер, тот хоть не своих

Григорий Бакланов:

Кудатура. — 1995. — 14 экз. — С. 5.

ВО ЧТО ВЕРИТЬ?

уничтожал. Но встать в оппозицию объективно означало бы предать свою Родину. Иначе бы мы не победили. Так же и сейчас. Я не понимаю, как можно критиковать вообще все — и хорошее, и плохое. Как можно в принципе находиться в оппозиции ко всему?

— Вы затронули тему войны. Осталось не так много времени до великого праздника — 50-летия Победы. А между тем ветераны идут к этому дню не в радостном настроении. Да и чему радоваться, когда большинство из них сегодня влачит жалкое существование, физически и, главное, морально старики подавлены. А как вы себя ощущаете?

— Не сегодня произошло то, на что люди могут обижаться. К сожалению, память у многих коротка. Я вернулся с войны инвалидом 3-й группы и не один раз через каждые полгода проходил медкомиссию. Я видел на этих комиссиях людей без руки, без ноги, которые тоже каждые полгода приходили на освидетельствование. Они горько между собой шутили: ну что, остратеет рука-то у тебя? Какое редкостное унижение! Человека, который вернулся с войны инвалидом, Родина обязана встретить с

уважением и почетом. Есть страны, где солдатам за ранение дают награды — только за то, что он кровь пролил за Родину. А у нас таким унижениям подвергались фронтовики. Дальше. Платили раньше за ордена деньги. Да дело не в деньгах. Хотя пенсия колхозника, например, была в те времена меньше, чем давали за орден, не помню уж сейчас, за какой. Вдруг перестали платить — все, ребята, вы свое дело сделали, теперь не нужны... Были бесплатные билеты первого класса раз в год. Отобрали. Потом... Обиды могли начинаться уже тогда. Но тогда люди были молоды! А кроме того, у них не было права на обиду. Попробуй при Сталине обидеться, потом долго будешь каяться за свою обиду... Сейчас у нас свобода выражения — каждый имеет право не только обижаться, но и громко заявлять о своей обиде.

Ну и не забывайте, что фронтовики, даже самые молодые, достигли сегодня 70 лет. А это не самый хороший возраст. На отдалении юность, конечно, вспоминается только в розовых тонах. Все было хорошо, а главное, мы были молоды, мы победили! Было величие Победы, в этом ощущении жили. Но мы

были обречены проиграть мир. Победив, мы укрепили сталинскую систему, которая мало чем отличалась от фашистской. Повторяю: при Сталине шло невиданное истребление собственного народа, немногие это понимали тогда. Конечно, очень жаль стариков, у которых на глазах произошло такое крушение идеалов, и уже жизни не хватило, чтобы воспринять новые. Думаю, что наши внуки дождутся каких-то положительных результатов. То, что происходит в стране, будет длиться долго.

— А у вас самого нет ощущения досады, обиды, что вам, прожившему такую тяжелую жизнь, не придется вкушать сладких плодов?

— Я за свой век сделал вещи, которые останутся со мной до конца и которые не дают мне повода досадовать или обижаться на жизнь. Когда решалась судьба нашей Родины, я был там, где и должен был быть человек моего возраста, — на фронте. Хотя возможность остаться в тылу у меня существовала: я окончил авиационный техникум, и мне полагалась броня. То, что я прошел войну, для меня много значит. И всю дальнейшую жизнь занимался любимым делом. Я написал книги, какие хотел.

В то время они проходили трудно. Это тоже при мне. В сознании людей война останется такой, какой она предстает в лучших книгах и в нескольких лучших фильмах. Думаю, и мне за мою жизнь что-то удалось рассказать.

— Сегодня очень многие ваши коллеги-писатели повержены в уныние: нигде не печатают, денег никто не платит...

— Это еще полбеды. Но есть и такие мои коллеги, которые ведут себя, как старики в очереди. Те знают, что милиция их не остановит и, пользуясь свободой слова, ругают кого только могут, им так легче на душе. Но писателю, который начал воспринимать жизнь как сплошное мракобесие из-за того, что у него перестали выходить книги, я вправе задать вопрос: а был ли мальчик? Может, он был только тогда, при запрете? Маленькая смелость прибилась за большое искусство. Сегодня произошел естественный процесс отсеивания — ведь не может же каждый десятый москвич быть членом союза писателей, так сказать, официально признанным писателем. Литература — дело штучное. Это не значит, конечно, что сейчас не издается ничего мелкого, ничтожного. Да сколько угодно! Высокое искусство, настоящая литература не может соревноваться по тиражам с бульварщиной. Чехов тоже не имел той популярности, что Боборыкин.

— И тем не менее то обстоятельство, что тиражи художественной литературы, в особенности поэзии, резко упали, вызывает, если не панику, то заметное беспокойство в кругах интеллигенции. Но, может быть, это явление естественно? Как, на ваш взгляд, должна определяться тиражная политика в книгоиздании?

— До полного насыщения. Это не моя фраза. Когда строился КАМАЗ, помню, поставили в столовой стаканы. Все исчезли. Поставили второй раз, снова исчезли. Заведующий столовой взмолился: сколько можно? А заместитель начальника стройки Ватенчук сказал кратко: до полного насыщения. Вот и тираж

книги должен определять читатель, его спрос. Есть спрос — издавать. «До полного насыщения». Но обратите внимание: ажиотаж вокруг бульварщины сегодня заметно меньше, чем три-четыре года назад. Народ потянулся к классике, к исторической литературе.

— Чем, на ваш взгляд, вызван действительно заметный интерес к исторической литературе, вообще к истории нашего Отечества?

— Сегодня очень многие люди растеряны, они не могут найти себя в настоящем, не видят перспектив и пытаются нащупать опору в прошлом. Раньше были идеалы, сегодня их нет. Во что верить? Вот это и есть трагедия нашего времени, которое мы называем безвременьем. Была вера многих поколений в то, что мы впервые строим совершенно необычное, справедливое общество, впереди ожидает светлое будущее, а на горизонте сияет вершина коммунизма. Прямо такими словами и говорили. Потом кто-то догадался и запретил говорить про горизонт — ведь это воображаемая линия, которая удаляется по мере приближения. Точно так же получилось с коммунизмом. Однако люди в эту идею поверили. Одни примитивно, других страх принуждал не думать, а действовать. Сегодня такой явственной, зримой, а главное — доступной для понимания идеи нет. Но цель-то есть — сделать страну богатой, сильной. Когда мы начинаем добиваться какой-то цели, нас всегда из крайности в крайность кидает. Мы долгое время жили с сознанием того, что государство превыше личности. Сегодня другой крен: цена одной человеческой жизни превыше всего. А, может быть, и то, и другое? Со своим перекошенным за десятилетия сознанием мы и свободу приняли за вседозволенность. Еще не скоро от этого шараханья из крайности в крайность мы уйдем. Но, думаю, что постепенно, по мере того как экономическая жизнь в стране будет налаживаться, все придет в норму.

Беседу вел
Е. ГРАНДОВА.

